

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН /
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-89-101>
УДК 340.141

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА В 1920-Е ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

*В. В. Кулачков**

*Брянский государственный инженерно-технологический университет,
проспект Станке Димитрова, д.3, Брянск, 241037, Россия*

И. В. Гончарова,

*Государственный университет управления,
Рязанский проспект, д.99, Москва, 109542, Россия,*

Г. С. Чувардин

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
ул. Комсомольская, д.95, Орел, 302026, Россия*

Аннотация.

Введение. Статья посвящена рассмотрению особенностей преемственности крестьянского обычного права в постреволюционную эпоху на региональном материале. **Материалы и методы.** Несмотря на революционные события 1917 г., развитие правовых традиций не прекратилось, и крестьянская Россия продолжала жить по своим укоренившимся обычно-правовым нормам. Однако в советской историографии преобладало мнение о полном разрыве с дореволюционным правом. Но и тогда, и особенно сейчас существуют точки зрения, что преемственность в развитии права присутствовала. **Результаты.** Наиболее отчетливо нормы обычного права проявляли себя при решении земельных споров и имущественных проблем, что было закреплено в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. Документальные материалы архивов также подтверждают, что элементы прошлого юридического опыта продолжали сохраняться. Это касается деятельности волостных судов, деятельность которых регламентировалась совестью, обычным правом, новыми законами и революционным правосознанием. В частности, при отсутствии декретов Советской власти разрешалось применять нормы обычного права. **Заключение.** Поэтому элементы крестьянского обычного права сохранялись и использовались в юридической практике советской власти, что подтверждают современные исследования в рамках данной темы. Однако загруженность судебных структур и дефицит кадров способствовали тому, что крестьяне разрешали возникающие вопросы при помощи традиционных обычно-правовых норм, эффективность которых была проверена временем. Это касалось не только центральной части России, но и ее окраинных территорий. Одновременно необратимо наступали социально-правовые изменения, что способствовало падению авторитета обычного права.

Ключевые слова: советская страна, постреволюционная эпоха, деревня, обычное право, преемственность, Брянская губерния

*** Ответственный автор**

Для цитирования: Кулачков В.В., Гончарова И.В., Чувардин Г.С. Эволюция обычного права в 1920-е гг. (на материалах Брянской губернии) // История: Факты и символы. 2024. № 2 (36). С. 89-101 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-89-101

Статья поступила: 09.03.2024

Статья принята в печать: 10.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Кулачков В., Гончарова И., Чувардин Г., 2024

**THE EVOLUTION OF CUSTOMARY LAW IN THE 1920S.
(BASED ON THE MATERIALS OF THE BRYANSK PROVINCE)**

Vadim V. Kulachkov *

*Bryansk State University of Engineering and Technology,
3 Stanke Dimitrov Avenue, Bryansk, 241037, Russia*

Irina V. Goncharova,

*State University of Management,
Ryazansky Prospekt, 99, Moscow, 109542, Russia,*

German S. Chuvardin

*Turgenev Oryol State University,
Komsomolskaya str. 95, Orel, 302026, Russia*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the consideration of the peculiarities of the continuity of peasant customary law in the post-revolutionary era on the regional material. **Materials and methods.** Despite the revolutionary events of 1917, the development of legal traditions did not stop and peasant Russia continued to live according to its ingrained customary legal norms. However, in Soviet historiography, the opinion prevailed about a complete break with the pre-revolutionary rule. But even then, and especially now, there are points of view that there was a preemption in the development of law. **Results.** The norms of customary law manifested themselves most clearly in solving land disputes and property problems, which was enshrined in the RSFSR Land Code of 1922. Documentary materials of the archives also confirm that elements of past legal experience continued to be preserved. This concerns the activities of the volost courts, whose activities were regulated by conscience, customary law, new laws and revolutionary legal consciousness. In particular, in the absence of decrees of the Soviet government, it was allowed to apply the norms of customary law. **Conclusion.** Therefore, elements of peasant customary law were preserved and used in the legal practice of the Soviet authorities, which is confirmed by modern research on this topic. However, the workload of judicial structures and the shortage of personnel contributed to the fact that the peasants resolved emerging issues with the help of traditional customary legal norms, the effectiveness of which has been tested by time. This concerned not only the central part of Russia, but also its outlying territories. At the same time, social and legal changes were irreversible, which contributed to the fall of the authority of customary law.

Keywords: *Soviet country, post-revolutionary era, village, customary law, succession, Bryansk province*

* Responsible author

For Citation: Kulachkov V., Goncharova I., Chuvardin G. (2024). The evolution of customary law in the 1920s (based on the materials of the Bryansk province) In *History: facts and symbols*, 3 (40), 89-101 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-89-101

Received: 09.03.2024

Revised: 10.05.2024

Published: 20.09.2024

© Kulachkov V., 2024

1. Введение

Общеизвестно, что государство самым тесным образом связано с правом, что, прежде всего, выражается в том, что все наиболее важные государственные решения принимаются с использованием юридических норм. Революционные события 1917 г., несмотря на свой внешний радикализм, не смогли полностью разорвать налаженную связь крестьянских правовых традиций. Исторически сложилось, что Россия всегда была крестьянской страной, что актуализирует изучение норм обычного права крестьян. При этом наблюдались элементы преемственности обычного права в первое постреволюционное десятилетие. В частности, В.В. Рогов отмечает, что «...решение проблем правового обычая и обычного права находится в начальной стадии. Многие нуждаются в переосмыслении. В этом отношении предстоит большая работа у историков и теоретиков права, этнографов и других исследователей» [18, с. 227]. Т.В. Шатковская считает, что «право настолько многогранно, что без учета всех его форм невозможно контролировать (регулировать) отношения между людьми» [23, с. 14]. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей преемственности крестьянского обычного права в постреволюционную эпоху на региональном материале.

В статье преимущественно используются материалы Брянской губернии, решение об образовании которой официально было принято 1 апреля 1920 г., но до этого этот вопрос дискутировался на заседании Брянского уисполкома 16 сентября 1918 г. [2]. В декабре 1926 г. к Брянской губернии были присоединены Новозыбковский, Клинецовский и Стародубский уезды упраздненной Гомельской губернии. В Брянской губернии стало насчитываться более 2 млн. жителей, 8 уездов, 54 волости. Однако в конце 1920-х гг. реализация на практике кампании по районированию привела в итоге к образованию Западной области с центром в Смоленске. В результате 1 октября 1929 г. Брянская губерния была упразднена, а через год ликвидированы и округа [2].

2. Материалы и методы

Теоретической и методологической основой для данной статьи стали принципы объективности, системности, альтернативности, историзма и конкретности. В работе использовались положения основных теоретико-методологических подходов, к которым относятся цивилизационный и формационный подходы, модернизационная теория, «новой локальной истории». Однако у каждого из них есть свои достоинства и недостатки, поэтому необходимо их применять в совокупности для достижения цели работы. В результате значительно увеличивается пространство научного поиска, что, в свою очередь, способствует более беспристрастному и объективному постижению прошлого.

Следует сказать, что в советской историографии доминировало мнение о том, что советское право не имело связи с юридической историей России. Однако были представлены и точки зрения ученых, считающих, что это в корне неверно и преемственность в развитии права присутствовала. Так, по мнению М.А. Рейснера при капитализме было не только буржуазное право, но также пролетарское и крестьянское право. Автор считал, что при капитализме доминирующее положение занимает право буржуазии, при советской власти – пролетарское право. Очевидно, что формирование рабочего и крестьянского права при буржуазии подразумевает его сохранение при диктатуре пролетариата, т.е. наблюдаются элементы преемственности [17, с. 20].

Болгарский правовед Н. Неновски отмечал, что преемственность в праве – явление объективно необходимое, только тогда право как система будет развиваться. По его мнению, обновление и преемственность тесно зависят от функционирования национальных правовых систем, исторических особенностей становления каждой из них [14]. Т.Е. Новицкая констатировала, что после революции 1917 г. продолжалось использование дооктябрьских норм права. По ее обоснованному мнению «использование это было двояким: во-первых, сознательное восприятие пролетарским правом всех достижений старого; во-вторых, вынужденное применение в течение известного времени новым государством отдельных его норм» [15, с. 48].

В современной отечественной историографии наблюдается усиление позиций сторонников преемственности между советским правом и всем предшествующим правом России. В.Н. Синюков справедливо отмечает, что «советское право – это не казус, не политическая ошибка, а закономерное явление, теснейшим образом связанное со всем предшествующим развитием русского права»¹. По мнению В.А. Рыбакова «преемственность в праве является закономерностью его развития, и советское право в этом отношении не исключение» [19, с.13]. Исследователи Р.С. Истамгалин и Э.Р. Исеева высказывают мнение, что «...в ходе эволюции российской правовой системы в период модернизации XVIII-XX вв. (включая и советский период) происходило не приспособление к позитивному праву обычного права, а, напротив, обычное право приспособлявало, адаптировало под потребности своего собственного воспроизводства институты и нормы европейского континентального права» [6].

Одновременно с вышесказанным рассмотрение обычного права крестьян способствовало формированию мнений исследователей о том, что его проблематика, в отличие от писаного права, еще до сих пор недостаточно изучена. Так, С.В. Филатов отмечает, что «...проведенный историографический анализ проблем изучения обычного крестьянского права в отечественной юридической литературе дает основания подчеркивать актуальность данной тематики и ее практическое значение для совершенствования современной российской правовой системы. Вместе с этим, плодотворность научных изысканий в этой области, очевидно, будет напрямую зависеть от их междисциплинарного характера, т.е. степени приложения усилий исследователей различных специальностей» [22, с. 66].

Стоит согласиться с мнением исследователей и сказать о том, что изучение обычного права в этнографическом контексте играет особую роль. Одним из ведущих специалистов по данной тематике является С.С. Крюкова, которая давно и плодотворно изучает правовую культуру русских крестьян. По ее мнению «для крестьян традиционный уклад в решении повседневных деревенских нужд в условиях революционных потрясений и становления нового права оставался залогом хоть какой-то стабильности, своего рода платформой для адаптации к изменившимся условиям жизни» [10, с. 62]. П.Л. Полянский обоснованно считает, что «среди принципов обычного права, выявленных в решениях советских органов, основополагающим являлся, без сомнения, принцип общей собственности на имущество сельскохозяйственного назначения всех членов крестьянского двора» [16, с. 51].

В ряде своих работ С.С. Крюкова приходит к выводу, что обычное право в сложных и противоречивых условиях 1920-х гг. в значительной мере сохраняло свое влияние. Так, она считает, что «советское официальное право, несмотря на рассогласованность и противоречивость законодательных норм этого периода, также продолжало ориентироваться на обычай как на один из источников социального, экономического и политического регули-

¹ Синюков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. – 37 с.

рования в деревне. Коренные преобразования в деревне в 1920-х годах способствовали, как ни странно, сохранению традиционного обычного права (даже расширению пространства его применения), являясь все еще эффективным инструментом управления крестьянским обществом» [11, с. 42]. По мнению П.Л. Полянского «...советское законодательство следующего периода – нэпа (1921–1929 гг.) – прямо признало обычай источником права» [16, с. 46].

Понятно, что преемственные связи присутствовали, что подтверждается в советском законодательстве. В частности, обычное право применялось при решении земельных споров, что нашло свое закрепление в ст. 8 и 77 Земельного кодекса РСФСР 1922 г. Ранее в декрете «О земле» нашли отражение такие элементы обычного права как разделы земли по трудовой или потребительской норме. Так, по мнению Т.В. Шатковской нормы обычного права достаточно активно применялись в годы новой экономической политики: «Земельный кодекс РСФСР 1922 г. допускал использование норм обычного права в рамках крестьянских правоотношений (ст. 8). При разрешении земельных дел, согласно ст. 55, общее собрание и другие органы земельного общества руководствуются Земельным кодексом и другими действующими узаконениями, «а также принятым уставом или приговорами общества и местными обычаями, если последние не противоречат закону». В ст. 77, 84 зафиксирован порядок применения обычно-правовых норм при разделах трудовых земледельческих хозяйств. Таким образом, в период становления Советского государства обычное право сохраняет статус действующего источника права» [24, с. 91].

3. Результаты

Очевидно, что существовала неразрывная связь между обычно-правовыми принципами до и после революционных событий 1917 г. Так, П.Л. Полянский отмечает, что «обычай охранял права на долю в имуществе двора не только родственников, но и иных входящих в него лиц. Так, задолго до Октябрьской революции в деревне сложился институт примачества (пріймачества). Примачом (пріймаком, зятем) обычно называли крестьянина, принятого в члены двора в результате брака с дочерью домохозяина» [16, с. 53]. Одновременно с этим «признание примачества Советской властью не означало его однозначно позитивную оценку лицами, причастными к разработке законов» [16, с. 55].

В архивных материалах также можно найти информацию о том, что связи с дореволюционным юридическим прошлым не были разорваны окончательно [7]. По всей видимости, этого и не могло произойти, т.к. развитие общества не может начинаться с чистого листа, неизбежно будут сохраняться, и развиваться элементы прошлого юридического опыта. Большевики понимали, что длительное существование правового вакуума может привести к хаосу и беспорядкам, поэтому уже 21 марта 1918 г. судебный отдел Карачевского совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Орловской губернии незамедлительно предлагал «приступить к организации волостного суда; о лицах, вошедших в состав суда сообщить в судебный отдел Карачевского совета»¹.

Волостной суд должен был руководствоваться в своей деятельности совестью, обычным правом, новыми законами и революционным правосознанием. Упоминание обычного права еще раз доказывает невозможность радикального отказа от испытанных временем способов разрешения возникающих проблем. Состав волостной суд насчитывал трех человек, заседания должны были проводиться регулярно, не менее двух раз в месяц в определенные дни. Ведение делопроизводства также входило в круг обязанностей членов суда. При этом в «Инструкции об организации Советской власти в волостях», опубликованной в Вестнике комиссариата внутренних дел от 14 февраля 1918 г. № 5 указывалось, что

¹ Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.1938. Оп. 1. д. 1, л. 65.

«...ведется особая книга жалоб и решений (образец прежний); для судебных дел, разбираемых в волостном Совете крестьянских депутатов, заводится по такому же образцу»¹.

Для оптимального функционирования новой судебной системы был необходим и обновленный состав народных заседателей. Требования к народным заседателям выдвигались в соответствии с духом и временем революционной эпохи [8]. Так, в циркуляре Карачевского уездного комиссариата юстиции Брянской губернии от 25 июля 1919 г. № 1068 указывалось, что «в общий список должны быть внесены в алфавитном порядке все избранные волостным советом граждане в числе двух лиц от каждого села и деревни волости, достигшие 21 года и не старше 70 лет, имеющие постоянное жительство в волости и преимущественно грамотные. В списки не могут быть внесены: 1) состоящие под судом и следствием; 2) исключенные из общества по приговорам за порочное поведение; 3) состоящие под опекой за расточительность; 4) слепые, глухие, немые и лишенные рассудка; 5) лица явно контрреволюционного образа мыслей»². Большинство из перечисленных требований существовали и раньше, но, понятно, что отбор по контрреволюционному образу мыслей не производился.

Напряженная ситуация эпохи новой экономической политики, характерная и для правовой сферы жизни, способствовала сохранению обычно-правовых норм. В архивных материалах Карачевского уездного исполнительного комитета Брянской губернии за 1924 г. сохранились сведения о том, что кадровый дефицит и нехватка судебных структур негативно отражались на жизни крестьянства: «народные суды удалены, главным образом, от большинства крестьянского населения на значительное расстояние, что затрудняет возможность крестьянству обращаться в суд, а также затрудняет возможность самим судам устраивать выездные сессии и места для проведения показательных процессов и вообще для разрешения дел на местах...»³.

В связи с этим предлагалось на каждую укрупненную волость один народный суд, причем на волости, в которые входят города – два народных суда. Одновременно эти же обстоятельства приводили к росту самостоятельности крестьян и живучести норм обычного права: «...произошло накопление дел, что приводит к тому, что гражданские дела разрешаются в последнюю очередь, что вынуждает крестьян не обращаться в суд за разрешением своих споров, а разрешать их собственной силой»⁴. Что значит собственной силой? Это означает решение возникающих вопросов при помощи традиционных обычно-правовых норм, эффективность которых была проверена временем.

Несомненно, что одним из таких эффективных и действенных способов был самосуд, под которым в общем смысле подразумевается незаконная расправа над ворами, конокрадами и другими нарушителями общинных порядков. В современной отечественной историографии исследователи к данной тематике обращались неоднократно и работают над ней до сих пор, в том числе и автор данной статьи [13]. Однако дополнение имеющихся сведений материалами периодической печати и анализом точек зрения ученых, работающих по историко-правовой тематике, совершенно не будет лишним.

Многие исследователи придерживаются мнения, что крестьяне были вынуждены прибегать к самосудам от безысходности и отсутствия помощи со стороны правоохранительных органов. Так, И.В. Курышев считает, что «в отдаленных волостях крестьяне в целях обуздания воровства, конокрадства вынуждены были прибегнуть к самосудам в силу попустительства и прямых злоупотреблений милиции» [9, с. 87]. А.Г. Тепляков отмечает, что «опаснейшим элементом революционной и пореволюционной жизни стали массовые самосуды. При этом местные власти нередко маргинализировались и сами были инициато-

¹ Там же. л. 66.

² Там же. л. 68.

³ ГАБО.Ф. 526. Оп.1. д. 367, л. 342 об.

⁴ Там же.

рами самочинных расправ» [20, с. 222]. Исследователь А.В. Федотов придерживается мнения, что «...общинный суд при советской власти превратился в неформальный орган, выносивший устаревшие и неэффективные санкции: изгнание, выговор, предупреждение и т.п. Кроме того, в крестьянской среде сохранялся самосуд»¹. Можно согласиться с мнением В.А. Бердинских, что «самосуд уществовал как своеобразная форма крестьянского права и дожил в России до 30-х годов XX века» [1, с. 46].

В Брянской губернии 1920-х гг. незаконные расправы в форме самосудов существовали и использовались, что характерно для периодов государственной нестабильности и слабости правоохранительных органов. Часто самосуды санкционировались местными органами власти, что говорит об определенной преемственности между сельскими советами и общинными структурами. Поэтому в 1926 г. были опубликованы указания Народного комиссариата внутренних дел, посвященные предупреждению самосудов, в которых говорилось о том, что они «...совершенно недопустимы, так как с одной стороны они подрывают на местах в корне авторитет власти, в другой – действуют развращающе на массы»².

В качестве примера можно привести самосуд, который произошел 18 февраля 1925 г. в Стародубском уезде Брянской области. Стародубской волостной милицией было получено сообщение по телефону из села Нижнего от заместителя председателя сельского совета Николая Печеного о том, что «в амбаре гражданина Демьяна Ботало поймали вора, который выдает своих остальных товарищей»³. При этом факт самосуда состоялся с разрешения председателя Клоповского сельсовета, что придало ему легитимный характер.

В периодической печати имеющиеся случаи самосуда также освещали, осуждали и рассказывали о наказании, которое понесли участники. Так, в газете «Наша деревня» за 1928 г. была опубликована заметка в рубрике «Суд и быт» под названием «Самосуд»: «Было это в селе Вельяминово Карачевского уезда. 11 ноября 1927 г. милиционер Карачевской умилиции Покровский с сельским исполнителем вели из села Вельяминово в г. Карачев задержанных заподозренных в краже коровы граждан Савина Ивана, Калужана Николая и Сысоева Николая. Крестьяне, находящиеся на улице, взволновались, стали требовать произвести самосуд»⁴. Иван Савин, видя, что над ним хотят совершить самосуд, бросился бежать, но крестьяне его догнали и в итоге «доставленный в Карачевскую больницу Савин, не приходя в сознание, 12 ноября 1927 г. умер от сотрясения мозга». В результате крестьяне, участники самосуда, были приговорены к 4 годам лишения свободы каждый⁵.

Исследователь Т.И. Трошина обоснованно считает, что «доступная нам информация о происходивших «самосудах» содержится в основном в газетных публикациях того времени. Вероятно, многие случаи просто не стали достоянием гласности, поскольку совершались в деревнях скрытно от «чужих глаз». Если же выстроить известное нам хронологически, то можно увидеть, что со временем наказания ужесточались. «Самосуды» все чаще заканчивались убийствами» [21, с.197].

Очередной случай самосуда был связан с налоговыми вопросами, что было очень актуальным в изучаемый период. В вышеупомянутой газете была опубликована заметка с характерным названием «Убит предселькресткома тов. Алехин. «Возмущенные крестьяне устроили самосуд над одним из убийцей Новиковым», автор – Н.С. В ней рассказывалось, что «1-го мая в дер. Мало-Кульневка Хотынецкой волости ударом ножа в голову убит председатель крестселькома – член сельсовета тов. Алехин. Убийцы – местные кулаки, бра-

¹ Федотов А.В. Крестьянская община в тульской деревне периода НЭПа (1921-1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 20 с.

² ГАБО.Ф.Р-1290. Оп.1. д.201, л. 100.

³ ГАБО.Ф.Р-1050. Оп.1. д.10, л. 163

⁴ Наша деревня, 9.03.1928. № 33 (267). С. 4.

⁵ Там же.

тя Новиковы, давно таили злобу на тов. Алехина на то, что тот, будучи членом сельхозналоговой комиссии, содействовал правильному исчислению с них налога»; «Убийство вызвало глубокое возмущение всего населения. Узнав, что убийцами являются братья Новиковы – крестьяне самосудом расправились с одним из них. Другой был доставлен в милицию. На место происшествия срочно выехал следователь. Президиум уисполкома выделил средства на оказание помощи семье тов. Алехина»¹.

В периодических изданиях Брянской губернии публиковали материалы, посвященные такому опасному для деревни явлению как конокрадство. Так, в газете «Наша деревня» размещена заметка селькора «Пролетарский» под названием «Суд и быт за самосуд». В ней содержится информация о таком явлении как конокрадство и способах борьбы с ним крестьян: «...крестьяне иногда предпочитают разделяться с конокрадами своим «судом». Эти самосуды тоже большое зло: они подрывают доверие к нашим судебным органам, они мешают проведению революционной законности. Недавно в губсуде рассматривалось дело об убийстве крестьянами пос. Поделовушка конокрадов Логачева и Сычевых Матфея и Василия, совершивших у граждан соседнего поселка кражу трех лошадей. Суд приговорил: Шевелева, Белоуса и Яцкова к лишению свободы на 5 лет каждого, со строгой изоляцией и поражением в правах и на три года, Шевцова и Прищепу на три года каждого, со строгой изоляцией и поражением в правах и на два года»². Исследователь Ш.Т. Гизатулин в своей статье придерживается мнения, что усиление конокрадства было вызвано, прежде всего, социально-экономическими причинами [3]. В других регионах нашей страны такое явление как самосуды, надо прямо сказать, процветало. Так, по сведениям О.Н. Леконцева «в Вятской губернии в июне 1922 г., по данным милиции, в деревнях «наблюдаются самосуды над ворами, бандитами и подозреваемыми в принадлежности к ним. Зачастую крестьянами при задержании воров учинялись самосуды» [12, с. 58].

Сохранению самосудов способствовало и обострение отношений в земельной сфере деревни, что было связано с развитием рыночных отношений и введением аренды. Так, С.А. Есиков обоснованно считает, что «...местные власти были еще слабы для того, чтобы организовать эффективный контроль за арендными отношениями и справиться с разъяснением правовых норм среди населения» [5, с. 112]. По мнению автора данной статьи жизнеспособности самосудов способствовало и то важное обстоятельство, что правовые нормы советского государства были еще довольно слабо распространены в сельской местности.

При разрешении имущественных вопросов обычно-правовые нормы также сохраняли свое влияние. По мнению П.Л. Полянского, в 1920-е гг. многое, что использовалось в крестьянском судопроизводстве, сохраняло свое значение. Он считает, что «...местные и центральные советские органы землеустройства при рассмотрении споров об имущественных разделах в крестьянских семьях руководствовались теми же принципами, из которых исходили в аналогичных случаях дореволюционные волостные крестьянские суды со ссылкой на местные обычаи» [16, с. 60].

С другой стороны, ход времени неумолим и изменения все равно назревали и в конечном итоге происходили, что относилось и к правовой сфере. Так, С.С. Крюкова придерживается мнения, что «...далеко не всегда обычное право отвечало законным требованиям советской власти. Иногда оно становилось подспорьем и даже поводом для выражения социального протеста...Новый порядок подрывал крестьянские мечты о справедливости и земле, разрушал ее монолитность. Один из прежних двигателей обычного права – коллективная воля – был надломлен и подвергнут серьезному испытанию» [19, с. 42-43].

¹ Наша деревня. 6.05.1928. № 75 (310). С. 8.

² Наша деревня. 8.01.1928. № 4 (238). С. 3.

А.В. Дашин и М.А. Шелепова также отмечают, что «после установления Советской власти судьбы обычаев в России были predetermined: создание «нового мира» означало разрушение привычного уклада жизни. До начала коллективизации обычное право в сфере землепользования и наследования имущества в крестьянской среде не подвергалось прямому ограничению или запрету. Этому в определенной степени мешал ГК РСФСР 1922 г., допуская частную собственность» [4, с. 69]. Также они считают, что «после 1929 г. в процессе уничтожения крестьянства как социального слоя, подлежало ликвидации и «обычное право» [8, с. 69-70].

Распространение обычно-правовых норм было характерно не только для центральной части России, но и для ее окраин. Общеизвестно, что Россия всегда была многонациональной страной с огромной территорией, поэтому в период новой экономической политики предпринимались попытки ввести нормы обычного права в правовой обиход. Так, по мнению Д.Н. Шкаревского «...во второй половине 1920-х гг. представители местных органов власти северных территорий РСФСР предприняли попытку повысить статус своих административно-территориальных образований в т.ч. за счет создания туземных судов, внедрения обычного права местного населения в практику судопроизводства, выделения самостоятельной группы преступлений, характерных для северных территорий, и закрепления нового статуса этих территорий в проекте «Северного кодекса». Однако данная попытка не удалась ... Единственным удачным мероприятием в рамках данного проекта стало составление «Северного кодекса», однако данный документ не был принят» [25, с. 197].

4. Заключение

Таким образом, анализ опубликованных материалов позволяет сказать, что преемственность крестьянского обычного права в постреволюционную эпоху присутствовала. В советской историографии преобладала точка зрения о том, что советское право было отдельным правовым явлением и не было связано с дореволюционными правовыми нормами. Однако были представлены и точки зрения ученых, считающих, что элементы преемственности существовали, что стало особенно актуальным в современной отечественной историографии. Изучение архивных документов постреволюционной эпохи дает возможность сделать вывод о том, что деятельность советских судов регламентировалась не только декретами Советской власти. В частности, при их отсутствии разрешалось применять нормы обычного права. Можно согласиться с мнением Т.Е. Новицкой, что «факт, что наряду с декретами Советской власти в России источником права было революционное правосознание, оказал значительное влияние на использование норм дореволюционного права, во многом ускорил запрещение в законодательном порядке ссылок судами на законы свергнутых правительств» [15, с. 54]. Одновременно нельзя и отрицать очевидное – элементы крестьянского обычного права сохранялись и использовались в юридической практике советской власти, что подтверждают современные исследования в рамках данной темы.

Список источников и литературы

1. Бердинских, В. А. (2001). *Крестьянская цивилизация в России*. М.: «Аграф». 427 с.
2. Брянская губерния – предшественница Брянской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.puteshestvie32.ru/content/guberniya>, свободный (Дата обращения: 28.09.2019).
3. Гизатулин, Ш. Т. (2018). *Конокрадство в Самарской губернии в 1923-1925 годах* // Самарский научный вестник. Т. 7. № 1 (22). С. 182-185.
4. Дашин, А. В., Шелепова, М. А. (2016). *Обычное право от Российской империи до современной России: генезис и эволюция* // Мир политики и социологии. № 5. С. 68-76.

5. Есиков, С. А. (2010). *Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья)* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 244 с.

6. Истамгалин Р. С., Исеева Э. Р. (2015). Правовая преемственность и правовая традиция в переходную эпоху: социокультурный дискурс // *Современные проблемы науки и образования*. № 1-1.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17254> (дата обращения: 27.04.2022).

7. Кулачков, В. В. (2018). *Документы Государственного архива Орловской области как источники для изучения правового сознания крестьян в начале XX века* // *Вестник архивиста*. № 1. С. 98-108.

8. Кулачков, В. В. (2017). *Архивные документы о формировании органов судебной системы в Орловской губернии в первые послереволюционные 1917-1919 гг.* // *Вестник архивиста*. № 3. С. 51-62.

9. Курьшев, И. В. (2010). *Преступность и бандитизм в Ишимском уезде в начале 1920-х гг.* // *Клио*. № 3 (50). С. 87-91.

10. Крюкова, С. С. (2019). *Советская доколхозная деревня между традиционным и новым обычным правом* // *Традиции и современность*. № 23. С. 44-63.

11. Крюкова, С. С. (2020). *Крестьянская община 1920-х годов: от имперского к советскому обычному праву* // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. № 3 (68). С. 35-45.

12. Леконцев, О. Н. (2011). *Крестьянская община в первой половине 1920-х гг.* // *Ярославский педагогический вестник*. Т. 1. № 2. С. 55-59.

13. Музычук, Т. Л., Кулачков, В. В. (2017). *Самосуд в России: историко-правовой опыт (по материалам Западного региона)* // *Всероссийский криминологический журнал*. Т.11. № 2. С. 444-450.

14. Неновски, Н. (1977). *Преемственность в праве*. М.: Юрид. лит. 167 с.

15. Новицкая, Т. Е. (1983). *Использование дооктябрьских норм права в первый год Советской власти* // *Правоведение*. № 3. С.48-54.

16. Полянский, П. Л. (2019). *К вопросу об обычаях как источнике права в советской России в 1917-1921 гг.* // *Вестник Московского университета*. Серия 11: Право. № 1. С. 41-61.

17. Рейснер, М. Л. (1925). *Право. Наше право. Чужое право. Общее право*. Л.; М.: Гос. изд-во. 276 с.

18. Рогов, В. В. (2014). *Проблемы правового обычая как источника права в отечественной правовой науке* // *Юридический форум*. Межвузовский сборник научных трудов. М.: МГИУ. С. 205-227.

19. Рыбаков, В.А. (2010). *Советское право: преемственный аспект* // *Современное право*. № 9. С. 13-17.

20. Тепляков, А. Г. (2018). *Криминал и власть в годы гражданской войны и нэпа* // *Исторические записки*. № 17 (135). С. 220-249.

21. Трошина, Т. И. (2012). *Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России)* // *Российская история*. № 2. С. 193-201.

22. Филатов, С. В. (2019). *Обычное право русских крестьян в отечественной юридической литературе* // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. № 10 (113). С. 64-67.

23. Шатковская, Т. В. (2015). *Смысл и назначение современных историко-правовых исследований* // *Северо-Кавказский юридический вестник*. № 2. С. 10-15.

24. Шатковская, Т. В. (2008). *Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917-1922 гг.)* // Юристъ-правоведъ. № 3 (28). С. 87-92.

25. Шкаревский, Д. Н. (2020). *Органы туземной юстиции и обычное право во второй половине 1920-х гг.* // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 2(65). С. 192-198.

References

1. Berdinskih, V. A. (2001). *Krest'yanskaya civilizaciya v Rossii* [Peasant civilization in Russia]. Moscow, Agraf. (In Russian)

2. Bryanskaya guberniya – predshestvennica Bryanskoj oblasti [Bryansk province – the predecessor of the Bryansk region]. [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://www.puteshestvie32.ru/content/guberniya>, free (date accessed: 28.09.2019). (In Russian)

3. Gizatulín, S.H.T. (2018). *Konokradstvo v Samarskoj gubernii v 1923-1925 godah* [Horse stealing in Samara province in 1923-1925] in Samarskij nauchnyj vestnik. 7, 1 (22). 182-185. (In Russian)

4. Dashin, A. V., Shelepova, M. A. (2016). *Obychnoe pravo ot Rossijskoj imperii do sovremennoj Rossii: genezis i evolyuciya* [Customary Law from the Russian Empire to Modern Russia: Genesis and Evolution] in *Mir politiki i sociologii*. 5. 68-76. (In Russian)

5. Esikov, S. A. (2010). *Rossijskaya derevnya v gody nepa. K voprosu ob al'ternativah stalinskoj kollektivizacii (po materialam Central'nogo Chernozem'ya)* [The Russian village during the NEP years. On the question of alternatives to Stalinist Collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskij centr B.N. El'cina». (In Russian)

6. Istamgalin, R. S., Iseeva, E. R. (2015). *Pravovaya preemstvennost' i pravovaya tradiciya v perekhodnuyu epohu: sociokul'turnyj diskurs* [Legal continuity and Legal Tradition in a Transitional Era: Sociocultural Discourse] in *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. № 1-1.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17254> (date accessed: 27.04.2022). (In Russian)

7. Kulachkov, V. V. (2018). *Dokumenty Gosudarstvennogo arhiva Orlovskoj oblasti kak istochniki dlya izucheniya pravovogo soznaniya krest'yan v nachale XX veka* [Documents of the State Archive of the Orel region as sources for studying the legal consciousness of peasants at the beginning of the XX century] in *Vestnik arhivista*.1. 98-108. (In Russian)

8. Kulachkov, V. V. (2017). *Arhivnye dokumenty o formirovanii organov sudebnoj sistemy v Orlovskoj gubernii v pervye poslerevolucionnyye 1917-1919 gg.* [Archival documents on the formation of the judicial system in the Orel province in the first post – revolutionary years of 1917-1919] in *Vestnik arhivista*.3. 51-62. (In Russian)

9. Kuryshhev, I. V. (2010). *Prestupnost' i banditizm v Ishimskom uezde v nachale 1920-h gg.* [Crime and banditry in the Ishim district in the early 1920s.] in *Klio*. 3 (50). 87-91. (In Russian)

10. Kryukova, S. S. (2019). *Sovetskaya dokolhoznaya derevnya mezhdú tradicionnym i novym obychnym pravom* [Soviet pre-kolkhoz village between traditional and new customary law] in *Tradicii i sovremennost'*. 23. 44-63. (In Russian)

11. Kryukova, S. S. (2020). *Krest'yanskaya obshchina 1920-h godov: ot imperskogo k sovet-skomu obychnomu pravu* [The Peasant Community of the 1920s: from Imperial to Soviet Customary Law] in *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 3 (68). 35-45. (In Russian)

12. Lekoncev, O. N. (2011). *Krest'yanskaya obshchina v pervoj polovine 1920-h gg.* [The peasant community in the first half of the 1920s.] in *YAroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 1, 2. 55-59. (In Russian)
13. Muzychuk, T. L., Kulachkov, V. V. (2017). *Samosud v Rossii: istoriko-pravovoj opyt (po materialam Zapadnogo regiona)* [Lynching in Russia: historical and legal experience (based on materials from the Western region)] in *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 11, 2. 444-450. (In Russian)
14. Nenovski, N. (1977). *Preemstvennost' v prave* [Succession in law]. Moscow, Legal lit. (In Russian)
15. Novickaya, T. E. (1983). *Ispol'zovanie dooktyabr'skih norm prava v pervyj god Sovetskoy vlasti* [The use of pre-October norms of law in the first year of Soviet power] in *Pravovedenie*. L., 3. 48-54. (In Russian)
16. Polyanskij, P. L. (2019). *K voprosu ob obychnye kak istochnike prava v sovetskoj Rossii v 1917-1921 gg.* [On the question of custom as a source of law in Soviet Russia in 1917-1921] in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: pravo*. 1. 41-61. (In Russian)
17. Rejsner, M. L. (1925). *Pravo. Nashe pravo. CHuzhoe pravo. Obshchee parvo* [Right. Our right. Someone else's right. Common law]. L.; M.: State Publishing House. L. (In Russian)
18. Rogov, V. V. (2014). *Problemy pravovogo obychnaya kak istochnika prava v otechestvennoj pravovoj nauke* [Problems of legal custom as a source of law in domestic legal science] in *YUridicheskij forum. Mezhdvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Moscow, 205-227. (In Russian)
19. Rybakov, V. A. (2010). *Sovetskoe pravo: preemstvennyj aspekt* [Soviet law: the succession aspect] in *Sovremennoe pravo*. 9. 13-17. (In Russian)
20. Teplyakov, A. G. (2018). *Kriminal i vlast' v gody grazhdanskoj vojny i nepa* [Crime and power during the Civil War and NEP] in *Istoricheskie zapiski*. 17 (135). 220-249. (In Russian)
21. Troshina, T. I. (2012). *Krest'yanskije «samosudy» v revolyucionnuyu epohu: aktualizaciya kollektivnogo opyta (na materialah severnyh gubernij Evropejskoj Rossii)* [Peasant "lynchings" in the revolutionary era: actualization of collective experience (based on the materials of the northern provinces of European Russia)] in *Rossijskaya istoriya*. 2. 193-201. (In Russian)
22. Filatov, S. V. (2019). *Obychnoe pravo russkikh krest'yan v otechestvennoj yuridicheskoj literature* [The Customary law of Russian peasants in the domestic legal literature] in *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprini-matel'stvo; pravo i upravlenie*. 10 (113). 64-67. (In Russian)
23. SHatkovskaya, T. V. (2015). *Smysl i naznachenie sovremennyh istoriko-pravovyh issledovanij* [The meaning and purpose of modern historical and legal research] in *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. 2. 10-15. (In Russian)
24. SHatkovskaya, T. V. (2008). *Mesto obychnogo prava v regulirovanii zemel'nyh otnoshenij v pervye gody sovetskoj vlasti (1917-1922 gg.)* [The place of customary law in the regulation of land relations in the early years of Soviet power (1917-1922)] in *YUrist"-pravoved"*. 3 (28). 87-92. (In Russian)
25. SHkarevskij, D. N. (2020). *Organy tuzemnoj yusticii i obychnoe pravo vo vtoroj polovine 1920-h gg.* [The bodies of native justice and customary law in the second half of the 1920s.] in *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (65). 192-198. (In Russian)

Вклад авторов:

В.В. Кулачков: написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи;

И.В. Гончарова, Г.С. Чувардин: получение данных для анализа, анализ полученных данных.

Authors' contributions:

Kulachkov Vadim V.: writing the text of the manuscript; review of publications on the topic of the article;

Goncharova Irina V., Chuvardin German S.: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained.